Тамбовская Правда-Тамбов

22 16 ОКТ. 1937

ТЕАТР

За критическое освоение классики

Мы не будем на 16 году Октябрьской революции писать о том, что советский театр—театр классовый, театр художественной агитации и пропаганды, театр борьбы за социалистическое строительство, за мировую пролетарскую революцию. Это уже знают даже пионеры.

Мы хотим лишь подчеркнуть, что театральное искусство—искусство синтетическое, впитывающее в себя все виды искусств и своеобразно их преломляющее,—что это искусство сложнее политической трибуны, а работа актера сложнее работы „взволнованного" докладчика (определение Лентрама). Пора, наконец, это понять и сделать необходимые выводы из апрельского постановления ЦК партии. Этих выводов по нашему два: 1) драться за качество советской драматургии и творческого воплощения ее продукции на сцене, 2) учиться у классиков, критически их осваивая, беря в основу ленинское учение о культуре пролетариата.

Что такое критическое освоение классики?

Те театры, которые полагают, что для этого обязательно надо показать классического автора кандидатом в члены ВКП(б) и поэтому хотят видеть в его произведениях прямые революционные утверждения (которых у него нет), классического спектакля показать не могут.

Нам кажется, **что критическим освоением классического произведения является путь анализа тех социальных основ, которые его создали.**

Подлинное классическое произведение не может оставаться вне отражения классовой борьбы своей эпохи, и труднейшей задачей современного режиссера является задача вскрыть эти заложенные в произведении свойства без механического исправления, без обязательного механического введения в число действующих лиц представителей революционного пролетариата.

Как же практически наш театр собирается осуществить эту задачу. Прежде всего—не подменяя драматургию классика другой, более слабой, не подменяя тему автора побочно введенными темами, не разрывая ткани построения спектакля.

Мы считаем, что никакая режиссерская драматургия не скажет так хорошо и так полно, как это сделает органическая драматургия автора. Мы не становимся и на путь комментатора, раз'яснителя, гида, полагая, что путь художника—говорить образами и через образы.

Бесконечные комментарии, вводимые в пьесу, свидетельствуют о неверии театра в режиссера, способного раскрыть написанную классиком пьесу, о неверии в актеров, способных донести образы пьесы до зрителя и, наконец, о неверии в зрителя, в его способность слушать, воспринимать и понимать замечательный текст классического произведения. Голый формализм, „безумно оригинальное" и „смелое" трюкачество, нарочито противоречащие замыслу и смыслу текста автора во имя „безумной оригинальности" и „смелости" режиссера стали невыносимыми. Режиссеры, внешне подражающие В. Э. Мейерхольду, ничего не понимающие в замечательном его мастерстве, которое является своеобразной лабораторной работой, поправочным коэффициентом к общему развитию нашего театрального искусства, вульгаризирует его работу, стараясь „переплюнуть" его совершенно бессмысленным нагромождением трюков и экспериментов, ничего общего не имеющих с текстом автора.

Путь такого эксперимента нам чужд.

Мы хотим возможно полнее вскрыть основной смысл пьесы, расставив необходимые акценты, (пользуясь текстом автора) для более сильного социального звучания (это будет уходом от „академического" спектакля), заставить зазвучать сильнее и глубже все компоненты спектакля, пользуясь запасом сильнейших сценических приемов, мобилизуя весь аппарат театра для изучения материала в его социальной основе, так как знать факты классовой борьбы данной эпохи труднее, чем острить над каждой знаменитой фразой, придавая ей смысл, обратный авторскому.

Вот задача, которую ставим перед собой, когда будем работать над классическими произведениями, в частности над „Месяцем в деревне" И. С. Тургенева, которым мы отмечаем 50-ю годовщину его смерти. Нужно прямо сказать, что материал этот наитруднейший. Актерам и режиссеру придется работать в условиях максимальной напряженности, преодолевая импрессионистские тенденции Тургенева.

Кстати. В номере „Тамбовской Правды" от 18 сентября напечатана заметка, которая сообщает, что молодой режиссер Тургенев будет ставить „Месяц в деревне" по мизансценам Александринского театра. Довожу до сведения общественности города, что „Месяц в деревне" шел в Александринском театре в 1909 г., когда я „пешком ходил под стол" (мне было 6 лет), видеть его, конечно, я не мог, тем более знать мизансцены, отмечающиеся в режиссерских экземплярах и никуда на сторону не выдающиеся.

Эта неточность об'ясняется, по-видимому, тем, что сведения для заметки были взяты не из первоисточника.

Режиссер В. Тургенев.